

Книга I

Глава 1

Эмму Вудхаус всякий назвал бы любимицей Провидения: будучи хороша собой, умна и богата, она имела веселый нрав и превосходный дом. Ей посчастливилось прожить без малого двадцать один год, почти не ведая печали.

Младшая дочь нежнейшего и во всем ей потакавшего отца, вследствие замужества сестры Эмма рано сделалась хозяйкою имения. Матушка ее скончалась так давно, что оставила о своих ласках лишь самые смутные воспоминания. Место покойной заняла гувернантка — добрейшая женщина, силою привязанности к воспитаннице почти не уступавшая родной матери.

Скорее друг семьи, нежели прислуга, мисс Тейлор провела в доме Вудхаусов шестнадцать лет, полюбив обеих хозяйских дочек, особенно Эмму. Узы, их соединявшие, были сродни сестринским. Даже в ту пору, когда мисс Тейлор еще не сложила с себя полномочий домашней учительницы, она по своей природной мягкости почти ничего не запрещала девочке. Теперь же они были совершенно на равной ноге — как ближайшие подруги. Эмма высоко ценила мнение мисс Тейлор, однако руководствовалась прежде всего своим собственным и делала что ей заблагорассудится.

Та свобода, которая предоставлялась Эмме в некотором избытке, и то суждение о себе (слишком лестное), которое она имела, являли собою самые неблагоприятные стороны ее положения и грозили омрачить многие ее радости. Прав-

да, жалеть о таком воспитании ей до сей поры не случалось, ибо угроза оставалась очень уж малозаметной.

Когда Эмму впервые посетила печаль, то была печаль не самого тягостного свойства, не повлекшая за собой раскаяния. Причиною явилось замужество мисс Тейлор и последующее расставание с ней. На свадьбе любимой подруги Эммой, прежде не ведавшей сколько-нибудь продолжительной грусти, владели невеселые мысли. Когда же празднество завершилось, а гости разъехались, отец и дочь остались вдвоем. Теперь подле них не было никого, кто мог бы развеять скуку долгого вечера. Отужинав, мистер Вудхаус по обыкновению задремал, а Эмма, за неимением более приятного занятия, предалась размышлениям о том, чего лишилась.

Самой же мисс Тейлор замужество не сулило ничего, кроме счастья. Мистер Уэстон был человек превосходного характера, достаточного состояния, подходящего возраста и приятных манер. С самоотречением, свойственным истинной дружбе, Эмма всегда желала и добивалась для мисс Тейлор именно такой партии, однако единственной радостью, которую доставили ей эти хлопоты, была радость от сознания собственного великодушия. Предвидя, как тягостно будет ежедневно, ежечасно ощущать отсутствие подруги, Эмма вспоминала, сколь много доброты и нежности та подарила ей за долгие шестнадцать лет. Приняв на себя попечение о пятилетней малютке, мисс Тейлор, не жалея сил, учила и развлекала ее в здравии, терпеливо ухаживала за нею в пору всевозможных детских болезней. За все это Эмма была в великом долгу перед своей гувернанткой, однако с еще более теплой признательностью вспоминала последние семь лет их ничем не стесненной дружбы. После замужества старшей сестры младшая осталась с мисс Тейлор один на один и обрела компаньонку, лучше которой нельзя было пожелать: умную, образованную, услужливую, в мельчайших подробностях знавшую уклад жизни семейства и равнодушную ко всему, что его касалось, — в осо-

бенности к тому, что касалось самой Эммы, ее радостей и замыслов. Такой компаньонке она могла тотчас поверить любую мысль, не боясь осуждения, ибо столь нежная любовь никогда не позволит бранить свой предмет.

Под силу ли было Эмме пережить произошедшую перемену? Расстояние, отделившее ее от подруги, составляло каких-нибудь полмили, но она понимала, сколь много несходства между собою обнаружат миссис Уэстон, живущая в полумиле, и мисс Тейлор, жившая дома. При всех благах, которыми наделили Эмму природа и семья, ее уму грозило совершенное одиночество: как ни любила она своего папеньку, в приятели ей он не годился и разговора, серьезного или шутиwego, поддержать не умел.

Большое различие в возрасте (мистер Вудхаус женился не рано) усугублялось несходством привычек и склонностей. Будучи слаб здоровьем, отец Эммы всегда избегал утруждать ум и тело, а потому по образу жизни своей был много старше, нежели по летам, и хоть все любили мистера Вудхауса за приветливость и доброе сердце, никто и никогда не ставил высоко его талантов.

Сестра Изабелла, выйдя замуж, уехала в Лондон, от которого Хартфилд, имение Вудхаусов, был удален не так уж сильно: всего лишь на шестнадцать миль, — однако видеться с нею часто все же не представлялось возможным. Долгими октябрьскими и ноябрьскими вечерами Эмма томилась в ожидании Рождества, когда Изабелла, ее муж и маленькие дети наконец-то приезжали и дом снова оживал.

Имея собственную лужайку, собственную кустарниковую аллею и собственное имя, Хартфилд, по сути, принадлежал к Хайбери — большой деревне, почти не уступавшей городу числом жителей, — однако и среди них Эмма не могла найти для себя подходящей компании. Вудхаусы были здесь самым знатным семейством, и все смотрели на них снизу вверх. Поскольку отец не чуждался соседей, Эмма имела много знакомых, но никто даже на полдня не

заменял бы ей мисс Тейлор. Посему отъезд подруги очень опечалил девушку. Теперь она только и делала, что вздыхала и мечтала о невозможном до тех пор, пока не проснется отец, в чьем присутствии следовало держаться бодро, ибо дух его нуждался в поддержке. Человек нервического склада, склонный к унынию, он боялся перемен и, легко привязываясь ко всем, кто его окружал, тяжело переживал любую разлуку. Вступление же в брак как причина расставания казалось ему событием особенно прискорбным. Невзирая на то что Изабелла любила своего супруга, мистер Вудхаус, так и не смирившийся с ее замужеством, говорил о ней с неизменным сожалением. Теперь же примеру старшей дочери последовала мисс Тейлор. В силу извечного своего незлобивого эгоизма мистер Вудхаус не мог представить, чтобы другие имели чувства, несхожие с его собственными, а потому думал, будто, выйдя замуж, бывшая гувернантка опечалила себя так же, как и хозяев прежнего своего дома: мисс Тейлор была бы намного счастливее, если бы провела всю оставшуюся жизнь в Хартфилде. Силясь отвлечь отца от подобных мыслей, Эмма усердно улыбалась и щебетала, и все же за чаем мистер Вудхаус не мог не повторить слов, сказанных им за обедом:

— Бедняжка мисс Тейлор! Жаль, что она приглянулась мистеру Уэстону!

— Не могу с вами согласиться, *papa*. Мистер Уэстон — человек превосходный. Он добронравен, учтив и заслуживает хорошей жены. А мисс Тейлор? Неужели вы бы желали, чтобы она навеки осталась здесь терпеть мои причуды, когда могла бы иметь собственный дом?

— Собственный дом? Много ли ей от него проку? Наш в три раза просторней. А ты, душенька, никаких причуд не имеешь.

— Мы ведь станем часто навещать Уэстонов, а они — нас! Будем видеть друг друга каждый день! Начать следует нам: мы должны в ближайшее же время нанести новобрачным визит.

— Но, душенька, разве по силам мне такой путь? До Рэндалса далеко, мне и половины не пройти.

— Никто не говорит, *papa*, чтобы вы шли пешком. Мы, конечно же, поедем в экипаже.

— В экипаже? Джеймс не захочет его закладывать ради столь незначительного расстояния. И где быть бедным лошадкам, пока мы в доме?

— Их отведут в конюшню, *papa*. Вы же помните, что мы с мистером Уэстоном обо всем вчера договорились. И о Джеймсе не беспокойтесь: он охотно повезет нас в Рэндалс в любое время, ведь его дочь служит там в горничных. Я даже сомневаюсь, уговорим ли мы его поехать куда-либо, кроме Рэндалса! Это ваша заслуга, *papa*. Никому и в голову не приходило нанять Ханну, пока вы ее не рекомендовали. Теперь Джеймс очень обязан вам за то, что вы устроили дочку на такое славное место!

— Я и сам этому рад. Не хотелось бы мне, чтобы Джеймс думал, будто мы его не ценим. А из девушки, наверное, получится отличная служанка. Она учтива, при встрече со мною всякий раз приседает и справляется этак любезно о моем здоровье. А когда ты приглашала ее в наш дом шить, я заметил, что она не хлопала дверью и поворачивала ручку как полагается. Да, прекрасная выйдет горничная — утешение для бедной хозяйки, которой приятно будет иметь рядом знакомую душу. А Джеймс, навещая дочку, станет привозить известия о нас. От него мисс Тейлор всегда узнает, в добром ли мы здравии.

Не щадя сил, Эмма поддерживала в своем папеньке бодрое расположение духа. Прибегнув к игре в триктрак, она надеялась кое-как скоротать вечер с отцом и отвлечь от огорчительных мыслей себя самое. Игральный столик принесли, но надобность в нем отпала, ибо вошел посетитель.

Мистер Найтли, рассудительный джентльмен лет тридцати семи или восьми, не только был давним и близким другом Вудхаусов, но даже состоял с ними в родстве как старший брат мужа Изабеллы. Жил он примерно в миле

от Хайбери, приезжал часто и всегда встречал радушный прием. Однако сегодня хозяева обрадовались ему еще более обыкновенного, так как приехал он прямо из Лондона, от их общих родных. После нескольких дней отсутствия мистер Найтли вернулся домой к позднему обеду и теперь прибыл в Хартфилд сообщить, что на Брансуик-сквер все здоровы. Приход гостя на какое-то время приободрил мистера Вудхауса — мистер Найтли своей веселостью благотворно влиял на старика. Получив обстоятельные ответы на свои бесчисленные вопросы о «бедняжке Изабелле» и ее детках, хозяин с благодарностью произнес:

— Как любезно с вашей стороны, мистер Найтли, что вы навестили нас в столь поздний час! Боюсь, вам пришлось вытерпеть пренеприятную прогулку.

— Отнюдь, сэр. Сегодня светит луна, и вечер выдался замечательно теплый. Потому я и сел подальше от вашего камина.

— Но за окном, должно быть, очень сыро и грязно. Как бы вам не простудиться!

— Грязно, сэр? Взгляните на мои туфли. На них ни пятнышка!

— Это весьма удивительно после такого ливня, какой сегодня был. Целых полчаса, пока мы сидели за завтраком, шел ужаснейший дождь. Мне даже подумалось, что свадьбу надо бы отменить.

— Между прочим, я ведь вас не поздравил! Догадываюсь, как вы оба рады, я не стану торопиться с изъявлениями восторга. Просто позволю себе понадеяться, что все прошло терпимо. Как вы держались? Кто пролил больше слез?

— Ах, бедная мисс Тейлор! Как это печально!

— С вашего позволения, я бы сказал «бедные мистер и мисс Вудхаус», но никак не «бедная мисс Тейлор». При всем моем почтении к вам и Эмме, когда дело касается зависимого или независимого положения... Во всяком случае, угождать одному лучше, чем двоим.

— Особенно если кто-то из этих двоих несносное капризное создание! — заметила Эмма игриво. — Ведь вы это хотели сказать? Да-да, хотели, я знаю! И сказали бы, если б здесь не было папеньки.

— Сей упрек представляется мне весьма справедливым, душенька, — вздохнул мистер Вудхаус. — Боюсь, я и в самом деле порой бываю несносен.

— Мой дорогой *papa*! Ни я, ни мистер Найтли не имели в виду вас! Как только вы могли такое подумать! Ах нет, я имела в виду исключительно себя саму. Мистер Найтли, знаете ли, любит меня побранить — шуточно, конечно же. Мы с ним привыкли говорить друг другу все, что заблагорассудится.

Мистер Найтли был, по существу, одним из немногих, кто видел в Эмме Вудхаус недостатки, и единственным, кто ей на них указывал. Малоприятное для нее самой, это обстоятельство было бы еще менее приятным для ее родителя, посему она не спешила внушать ему сомнения в том, что его дочь — образец совершенства для всех окружающих.

— Я и вправду никогда не лъщу Эмме, — отвечивал мистер Найтли, — однако сейчас не хотел ни о ком сказать дурно. Просто до сих пор мисс Тейлор угождала вам двоим, а теперь будет угождать одному лишь мужу и, вполне вероятно, выиграет от нового своего положения.

— Что ж, — молвила Эмма, решив переменить предмет разговора, — вы, кажется, желали узнать, как прошла свадьба. С радостью сообщаю вам, что она прошла изумительно. Все прибыли без опоздания и в лучших нарядах, никто не уронил ни слезинки. Едва ли за столом можно было видеть хотя бы одно печальное лицо. Ведь мы помнили о том, что молодые станут жить всего лишь в полумиле от нас, а значит, смогут видаться с нами ежедневно.

— Моя дорогая Эмма держится мужественно, — сказал ее отец, — но на самом деле, мистер Найтли, ей очень жаль терять бедную мисс Тейлор, и я уверен, что тосковать она будет сильнее, нежели теперь себе представляет.

Эмма отвортила лицо, не зная, плакать или улыбаться.

— Не может быть, чтобы она не скучала по такому другу, — ответил мистер Найтли. — Если б мы могли это предположить, мы не любили бы ее так сильно. Однако она понимает, что замужество сделает мисс Тейлор счастливее, что той давно уже пора обзавестись собственным домом и иметь надежный доход. Посему радость должна быть сильнее печали. Всем друзьям мисс Тейлор надлежит радоваться столь удачному ее замужеству.

— Вы позабыли еще одно обстоятельство, очень для меня отрадное и притом весьма значительное, — сказала Эмма. — Этот брак я устроила сама. Еще четыре года назад я замыслила выдать мисс Тейлор за мистера Уэстона. Многие не верили, что он пожелает повторно жениться, однако мои старания оказались ненапрасными, и это служит мне большим утешением.

Мистер Найтли покачал головой, а мистер Вудхаус с нежностью произнес:

— Ах, душенька! Все, что ты ни предскажешь и за что ни возьмешься, непременно сбывается. Прошу тебя, не устраивай больше браков!

— Обещаю вам, *papa*, не искать партии для себя самой, однако не делать этого для других я не могу. Ведь на свете нет ничего занятнее! Все говорили, будто свадьбе мисс Тейлор и мистера Уэстона не бывать. Он, дескать, давно уже вдовствует и совершенно привык обходиться без жены. Вечно хлопочет в городе по своим делам или же проводит время среди друзей, а поскольку человек он веселый, у него их так много, что ему ни единого вечера в году не приходится сидеть в одиночестве, ежели только он сам того не пожелает. Нет, нет! Мистер Уэстон никогда более не женится!.. Судачили даже о некоей клятве, якобы данной им покойнице жене. А кто-то уверял, будто сын и дядя ему препятствуют. Каких только глупостей не говорили на сей счет пресерьезнейшим тоном, но я ни единому слову не верила. Я помнила о том дне (это было четыре года назад), когда

мы с мисс Тейлор встретили мистера Уэстона на Бродвей-лейн. Стало моросить, и он с такою галантностью поспешил на ферму Митчелла за зонтиками для нас, что я тотчас все решила. Теперь же мой замысел счастливо осуществился. Успех окрылил меня, дорогой *papa*, и я уж более не могу не думать об устройении браков для прочих наших друзей.

— Не понимаю, что вы подразумеваете под успехом, — возразил мистер Найтли. — Успех предполагает усилия. Хорошо же вы провели четыре года вашей жизни, если в самом деле неустанно хлопотали об этой свадьбе! Подходящее занятие для юной девы! Однако сдается мне, что на деле все ваши хлопоты свелись к праздному восклицанию: «Ах как славно бы было, ежели бы мистер Уэстон женился на мисс Тейлор!» Положим, впоследствии вы время от времени повторяли про себя эти слова. Но коли так, с чего же вам говорить об успехе? В чем заключена ваша заслуга? Чем вы гордитесь? Вы сделали предположение и угадали — только и всего.

— Если вам неизвестно, какое наслаждение порою дарит верная догадка, то мне вас жаль. Я лучше думала о вашем уме. Поверьте: чтобы угадывать, одного везения мало. Для этого нужен своего рода талант. А что до несчастного слова «успех», которое так вам не понравилось, то я не возьму в толк, почему бы мне его не сказать. Вы нарисовали две чудные картины, но не хватает третьей, которая изображала бы нечто среднее между полным бездействием и кипучей деятельностью. Если бы я не поощряла визиты мистера Уэстона в наше имение, не делала маленьких намеков и не улаживала маленьких затруднений, никакой свадьбы, вероятно, и не было бы. Полагаю, вы достаточно хорошо знаете жизнь в Хартфилде, чтобы это понимать.

— Такому прямодушному открытому мужчине, как Уэстон, и такой разумной, чуждой всякого притворства женщине, как мисс Тейлор, вполне можно было доверить решение их собственной судьбы. Ваше вмешательство скорее могло повредить вам самой, нежели помочь им.

— Эмма никогда о себе не думает, если может сделать добро другим, — вновь вмешался мистер Вудхаус, лишь отчасти понимавший суть разговора. — Но, душенька, молю тебя, не устраивай новых браков. Замужество — преглупейшая вещь, которая самым печальным образом разрывает круг семьи.

— Позвольте мне, *papa*, подыскать хотя бы еще одну партию — для мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Он же нравится вам, *papa*, и я должна найти ему жену. Только вот в Хайбери нет девушки, его достойной, а он уже прожил здесь целый год и прекрасно обставил свой дом. Как будет досадно, если он надолго останется холостяком! Сегодня, соединяя руки новобрачных, он так на них глядел, словно и сам желал оказаться по другую сторону алтаря. Я придерживаюсь самого высокого мнения о нем, и единственное, чем могла бы ему услужить, — это устроить его брак.

— Мистер Элтон, несомненно, весьма приятный молодой человек, и я высоко его ценю. Однако, душенька, ежели ты хочешь выказать ему расположение, то пригласи его как-нибудь к нам отобедать. Это будет гораздо лучше. Смею предположить, что мистер Найтли любезно согласится встретить гостя.

— Когда вам будет угодно, сэр, с превеликим удовольствием, — засмеялся мистер Найтли. — И я полностью с вами согласен: это в самом деле было бы куда уместнее. Пригласите его к обеду, Эмма, угостите отменным цыпленком и вашими лучшими рыбными блюдами, но жену дозвольте ему выбирать по собственному усмотрению. Верьте моему слову: мужчина двадцати шести — двадцати семи лет способен сам о себе позаботиться.

Глава 2

Мистер Уэстон родился в Хайбери в почтенном семействе, каждое новое поколение коего превосходило предшествующее воспитанием и богатством. Получив хорошее

образование, он рано унаследовал небольшой капиталец, позволявший жить независимо, а потому, в отличие от братьев, не пожелал посвятить себя прозаическому труду. По своему бодрому деятельному уму и общительному нраву он избрал службу в милиционной армии* графства, которая в ту пору созывалась.

Капитан Уэстон пользовался всеобщим расположением, посему, когда причудливая судьба военного человека свела его с мисс Черчилл, дочерью знатного йоркширского семейства, и та в него влюбилась, никто не был удивлен за исключением ее брата и невестки. Эти двое, никогда не видавшие мистера Уэстона, столь кичились своей фамильной честью, что сочли такой союз недостойным.

Однако мисс Черчилл, будучи совершеннолетней, обладала правом по собственному усмотрению распоряжаться приданым (которое, надобно сказать, составляло весьма незначительную долю имения семьи) и разубедить себя не позволила. Влюбленные поженились — к бесконечному неудовольствию мистера и миссис Черчилл, которые, сообразуясь со своими понятиями о благопристойности, поспешили исключить сестру из семейного круга. Неравный брак оказался не слишком счастливым. Миссис Уэстон могла бы найти в нем немалую выгоду, ибо обрела супруга с горячим и добрым сердцем, который считал себя в неплатном долгу перед ней за великую честь быть ею избранным. Однако сама она, обладая некоторою силою духа, великодушием не отличалась. У нее достало твердости для того, чтобы пойти наперекор воле брата, но любовь отнюдь не избавила ее от неразумных сожалений и не оградила от тоски по былой роскоши. Капитан Уэстон делал ради жены долги, и все же ее замужняя жизнь не шла ни в какое сравнение с девической. Не перестав любить своего супруга,

---

* Британская милиция XVIII в. представляла собой непрофессиональные резервные войска, формировавшиеся для защиты графств от нападения извне и поддержания порядка на их территории. — *Здесь и далее примеч. пер.*

молодая дама желала быть одновременно миссис Уэстон и мисс Черчилл из поместья Энском.

Что до самого капитана Уэстона, то его брак, сказочно выгодный в глазах света и особенно в глазах Черчиллов, на деле выгоды ему не принес. Когда после трех лет супружества жена умерла, он обнаружил, что первоначальному его состоянию причинен существенный ущерб, и притом теперь ему надлежало заботиться о ребенке. От последней обязанности капитан Уэстон, однако, вскоре был избавлен. Ребенок послужил отчасти к его примирению со свойственниками, чей гнев смягчила продолжительная болезнь сестры. Вскоре после ее кончины они, не имея собственных детей или других воспитанников, выразили желание полностью взять на себя попечение о маленьком Фрэнке. Овдовевший отец, вероятно, не желал разлуки с сыном, однако разумные соображения одержали в нем верх, и мальчик был отдан на воспитание богатым родственникам, а сам капитан Уэстон отныне не имел иных целей, кроме как содержать самого себя и по мере возможности поправлять свое состояние.

Для достижения сей цели необходимы были большие перемены. Подав в отставку, мистер Уэстон занялся торговлей. Братья, уже успевшие развить в Лондоне собственное дело, способствовали его успеху на этом поприще. Посвящая немало времени новому занятию, дни досуга он проводил большею частью в Хайбери, где у него оставался домишко. Так, в трудах и в радостях дружеского общения, протекли следующие лет восемнадцать-двадцать жизни мистера Уэстона. За эти годы он приобрел средства вполне достаточные, чтобы купить имение близ Хайбери (то было давним его желанием), снова жениться (хотя бы и на бесприданной гувернантке) и жить сообразно своему дружелюбному нраву.

С некоторых пор определенное место в помыслах мистера Уэстона стала занимать мисс Тейлор, однако влияние, оказываемое ею, не имело того тиранического характера,

какой носит любовь юных сердец, и потому оно не поколебало его решимости не заключать нового брачного союза до приобретения Рэндалса. Прежние хозяева не спешили с продажей имения, однако мистер Уэстон ждал, упорно придерживаясь намеченного плана. Теперь он достиг всего, к чему стремился: сколотил состояние, обзавелся домом и женою. Новая страница его жизни обещала стать счастливее всех предшествующих, хотя несчастен он не был и прежде. Даже в годы первого брака природная веселость не позволяла мистеру Уэстону предаваться унынию, новый же союз сулил ему подлинное наслаждение жизнью с разумной и добросердечной женщиной. Второбрачному вскоре предстояло не без приятности убедиться, что выбирать много лучше, чем быть выбранным, а получать благодарность лучше, чем испытывать ее.

Будучи полным хозяином в своем доме, мистер Уэстон мог жениться, не сообразуясь ни с чьим мнением, кроме собственного. Фрэнк, воспитывавшийся на правах негласного наследника дяди, по достижении совершеннолетия стал таковым по форме, получив фамилию Черчилл, и теперь отцовское состояние едва ли имело для него какой-нибудь вес. Мистер Уэстон был спокоен за будущность сына, ибо по доброте своей природы не мог предположить, чтобы своенравие миссис Черчилл, привыкшей во всем руководить мужем, могло достичь степени, опасной для любимого племянника, тем паче что последний, по убеждению отца, вполне заслуживал любви. Мистер Уэстон ежегодно видел сына в Лондоне и гордился им. Более того, благодаря отцовским рассказам юноша сделался предметом своеобразной гордости для всего Хайбери. Считаая Фрэнка Черчилла своим земляком, местные жители смотрели на его таланты и блестящие перспективы как на совместное достояние.

Следствием этого явилось всеобщее желание видеть молодого человека воочию. Он, однако, не отвечал родине своего отца таким же любопытством. До сих пор Фрэнк